

19 декабря исполнилось бы 85 лет нашему прославленному земляку Евгению Ивановичу Маскинскому, заслуженному мастеру спорта СССР, известному мордовскому спортивному ходоку. Память об этом удивительном человеке жива до сих пор в сердцах тех, кто его знал.

МАЙКИ С БУКВАМИ «СССР»

Из воспоминаний ветерана спорта В. Белова:

- Увидел бы он сейчас, как его чествуют, проводя каждый год в Саранске международные соревнования по спортивной ходьбе, посвященные его памяти! Посмотрел бы, наверно, прищурясь, да и сказал: «Головешки» - не знаю, что уж у него это обозначало, и ушел бы опять трудиться в лес, ушел бы к ребятам, которые его всегда ждали и любили.

Любят у нас чтить героев после их смерти, чего при жизни у властей Евгений Иванович не снискал. Ютился в маленькой хрущевке, даже телефона не имел, не мог позволить себе купить простой телевизор.

- Вот такие, брат, дела, - обычно говорил он, когда я приходил к нему в гости. По натуре своей Маскинсков был не жаден, а прост и благороден. Что мог, все отдавал ребятам. Принесет, бывало, с дачи чеснок, и тот весь отдаст детям, вам, говорит, полезно, злее и выносливее будете. Большое уважение имел Евгений Иванович у ребятишек. Сколько их прошло через его руки!

В то время он был выдающимся спортсменом! 1956 год – год олимпиады в далекой Австралии. Маскинсков на первенстве Советского Союза, являющемся отборочным «ситом» в олимпийскую сборную команду страны, стал серебряным призером с отменным результатом, прошагав без единого нарушения 59 километров за четыре часа восемь минут. Разумеется, он вместе с другими спортсменами поехал в Мельбурн.

В день старта соревнований по спортивной ходьбе на 50 километров стояла страшная жара. Ртутный столбик на термометре поднялся до 40 градусов.

Сразу же со старта Евгений, верный своей тактике, уходит вперед и лидирует почти всю дистанцию. Но на последних метрах утомительной трассы, когда, казалось, из-за жары невозможно ступить и шага, более приспособленный к таким условиям новозеландец Норманд Рид совершил рывок и обошел Евгения. Маскинсков пытался не отстать, но его силы были уже на исходе. Вторым пришел к финишу спортсмен в алой майке с буквами «СССР». Стал серебряным призером олимпиады.

Страна по достоинству оценила спортивный подвиг олимпийцев. Впервые состоялось награждение спортсменов орденами и медалями СССР. Евгению Маскинскому было присвоено звание заслуженного мастера спорта СССР.

ДЕТСТВО, ОПАЛЕННОЕ ВОЙНОЙ

Не менее интересны и воспоминания друга детства Маскинскова Николая Филипповича Кабанова. Беседовала с ним краевед из Александровки Вера Александровна Романова.

- У меня уже давно созрело решение – написать о Евгении Ивановиче, - говорит Вера

Александровна. - Он жил на той же улице в селе Александровка, что и я, - Гражданской. Многие до сих пор чтят память этого удивительного человека. И вот моя дочь познакомила меня с Николаем Филипповичем, который хорошо знал Маскинскова. Он подарил нашему музею книгу Евгения Лапицкого о нашем прославленном земляке, но, главное, Николай Филиппович рассказал много интересного о детских и юношеских годах своего друга.

- Женю я в первый раз увидел в 1937 году. Моего отца перевели работать из Куйбышева, где я родился, в Саранск. Квартиру нам дали по улице Московская. Женя с матерью Антониной проживал на этой же улице, в доме № 16.

За нашими домами, где в настоящее время находится стадион, были три озера с идеально чистой водой. Летом мы с ребятами целыми днями купались там, а зимой, когда озера замерзали, катались на коньках, гоняли шар. Женя в те далекие годы любил воду и здорово нырял, за что мальчишки прозвали его «Карасик». Нас, пацанов, собиралось очень много. Естественно, как у всех, были клички. Я свою получил от ребят за то, что в десять лет играл на базаре в цепочку. Игра была на деньги и называлась «став». Этой игре меня научил Андрей Учаев. Он у нас был за старшего, и в свободное от работы время играл в эту игру. Работал Андрей по брони на механическом заводе. В дальнейшем он погиб на фронте. Ребята знали хитрости цепочки, но так как у меня получалось лучше всех, Андрей брал меня в помощники. Когда он уходил куда-то, я на табуретке выделывал эти фокусы и кричал: «Ставь, кто заметил». Проиграл – не кричи, выиграл – получи! Все выигранные деньги уходили на еду и махорку. Во время войны давали по 200 граммов пеклеванного хлеба в день. Неимоверно хотелось есть и, убегая с уроков, мы опять шли на базар. Мы с Женей учились в первой школе, она тогда находилась напротив фонтанов по улице Московская.

Когда были созданы ФЗО и ремесленные училища, Женя брал меня «в ремесло», там работала его мать поварихой. Она ставила перед нами кастрюлю с мослами. Конечно, там мяса не было, мы просто глодали их.

Моего отца и среднего брата, Володю, взяли на фронт, где Володю в двадцать лет убили. Трудно приходилось! Весной, когда таял снег, мы шли на поля и собирали недособранную картошку. Она за зиму превращалась в крахмал. Этот крахмал мама мешала с мякиной и на соевом масле пекла лепешки. Мы их называли дранцами. Пока дранцы были теплые, их еще можно было есть, но когда остывали, становились тверже хоккейной шайбы. Когда наши поперли немцев, появились пленные фрицы. Их помещали в школе № 9.

В тринадцать лет я работал сторожем при парниках и огороде Пушкинского парка. Туда пленников немцев приводили убирать мерзлую капусту. Мы за моего убитого брата Володю бросали в них кочерыжки. Летом, когда рабочие уходили на обед, Женя с ребятами появлялся на огородах, они набивали за пазуху помидоры, огурцы, морковь. Выходило, я не сторожил, а караулил, чтобы их не поймали. Но директор парка Авдошкин все-таки застал их, и меня уволили.

Бесконечные игры на озерах не прошли бесследно. Я немного быстрее других бегал на коньках, а Женя – на лыжах. Коньки были привязаны к валенкам и облиты водой, чтобы крепче держались. Ставил я их в холодном подъезде. Валенки насквозь не промерзали, но коньки к ним приставали, как припаянные.

Кроме озер, был каток. Располагался он против Дома Советов. Там же был построен деревянный кремль.

Был у нас канат с крюком. Крючком командовал я. Заметив едущий грузовик, который спускался с горы по Московской, мы всей оравой гнались за ним. Моя задача была накинуть крючок за борт, а ребята, кто успевал, хватались за веревку. В один из дней нас заметил на озерах вернувшийся с фронта А.Д. Брейкин, он тогда был директором ДЮСШ – ГОРОНО, и пригласил нас с Женей в спортивную школу. Вначале мы играли в хоккей, потом выбрали, кому что нравилось. Я выбрал коньки, а Женя – лыжи. Пришла пора призываться в армию. Женю призвали первым. В армии ему предложили заниматься спортивной ходьбой.